

IV. ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

А. В. Смолин

РУССКИЕ В ФИНЛЯНДИИ 1918 – 1919 ГГ. ЧАСТЬ 2.*

Воспоминания Н. Луниной «Трагедия русских в Финляндии» написаны уже после завершения событий Гражданской войны в Финляндии. Авторская датировка отсутствует. Мемуары написаны от руки чёрными чернилами и занимают восемь с половиной страниц большого формата. Рукопись представляет собой беловик. Правда имеются две вставки теми же чернилами, поясняющие написанное, что свидетельствует о том, что автор перечитывала текст. Подпись автограф. После неё указано место проживания автора на французском языке (15, **Place des Etats - Unis Montrouge**)¹. Во время Гражданской войны она вместе с мужем, капитаном артиллеристом и девятилетним сыном проживала в Выборге и работала сестрой милосердия в военном госпитале. Лунина была очевидцем захвата города белыми финнами и теми расправами, которые они учинили над побеждёнными. В тексте присутствует прямая речь, но она представлена отдельными репликами и не влияет на передаваемую информацию.

Археографическая подготовка текста воспоминаний к изданию проведена в соответствии с действующими «Правилами издания исторических документов в СССР» (1990). В опубликованном тексте сохранены стилистические и языковые особенности изложения. Сокращения слов восстановлены в квадратных скобках.

Публикуемые воспоминания хранятся в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира Стенфордского университета. **B. I. Nikolaevsky. Collection Box. 148. Series No 95. Folder 17.**

ТРАГЕДИЯ РУССКИХ В ФИНЛЯНДИИ

Незадолго до Пасхи 1918 года, в г. Выборге стало тревожно. Со дня на день ожидался приход «белых», которые с помощью германских войск, почти отовсюду изгнали большевиков, захвативших на короткое время власть в Финляндии². Мы, русские, в большинстве семьи офицеров, с радостью и нетерпением ожидали прихода «белых» финнов, находившихся под командой генерала Маннергейма, бывшего офицера русской армии³. Иначе чувствовали себя толпы распропагандированных солдат и матросов, бежавших со всех концов Финляндии и скопившиеся в Выборге и семьи финских рабочих, почти сплошь коммунистов. Рабочие составляли вооружённые отряды, готовившиеся к обороне города.

Нельзя не отметить довольно странного, на первый взгляд, явления, имевшего место почти всюду, где проживали в Финляндии русские офицеры со своими семьями. В то время как в России продолжались преследования офицеров, наоборот, в Финляндии, после жестокого самосуда солдат и матросов над своими начальниками, в первые дни революции, в дальнейшем, при большевистском режиме отношение «красных» финнов к русскому офицерству было крайне предупредительным и мягким⁴. Объяснить это можно тем, что после того, как в России установилась советская власть, финские коммунисты смотрели на каждого русского, как на союзника. По той же причине «белые» финны рассматривали всех русских, как своих врагов. Те же финны, которые приехали из Германии и сражались во время войны против России, определённо ненавидели всё русское⁵. Но наше офицерство было далеко от всех этих соображений и душой и сердцем ожидало прихода «белых».

Наконец наступил день, когда волнение в городе особенно усилилось и к вечеру слышались первые отдалённые выстрелы из орудий. Началась осада Выборга. По улицам засвистали пули... Один из снарядов попал в стену дома, в котором жила я, работавшая сестрой милосердия в местном военном госпитале, муж мой, капитан артиллерии и наш девятилетний сын. Дом содрогнулся, посыпались кирпичи... Мы бросились в подвал, где нашли прятавшихся жильцов дома. Пришлось принести из квартиры подушки и ковры и устраивать в своей клетке, в подвале, временное обиталище. Вскоре все проходы между клетками были заполнены спасавшимися от стрельбы и бежавшими из рабочего квартала женщина-

ми и детьми.. их жилища были разрушены и сожжены, т[ак] к[ак] «белые» подвергли особенно ожесточённой и меткой бомбардировке заселённый рабочими пригород. В воздухе стоял неумолчный грохот от рвавшихся снарядов. Нервы у всех были напряжены.

И в это невесёлое время нашей «подземной» жизни ворвался, помню, один комический момент. Кто-то из жильцов дома держал в подвале бочку с заготовленной впрок капустой. Бочка была покрыта крышкой. Какая-то толстая финка вздумала устроиться поудобнее и села на бочку. Послышался треск и когда мы обернулись, то увидели торчавшими из бочки одни руки и ноги. Финка продавила крышку и погрузилась в рассол. Не без труда, при общем смехе, её оттуда вытащили. Помню ещё один эпизод, который, быть может, чуть не привёл моего мужа к роковому для него концу. Воспользовавшись тем, что стрельба несколько стихла, я поднялась в квартиру, чтобы взять что-то из белья. Через несколько минут в дверь квартиры раздался стук и когда я открыла её, передо мной стоял вооружённый рабочий, «Rava» (т.[о] е[сть] госпожа) обратился он ко мне: «Не подходите к окнам... это запрещено и опасно». Я обратила внимание на его измученный вид. Он объяснил, что уже два дня беспрерывно занимает пост на нашей улице и ничего не ел. Я решила дать ему что-нибудь съедобного и вынесла затем своё скромное угощение на крыльцо. Он взял, горячо меня поблагодарив... Некоторые из находившихся в подвале мой поступок заметили: Я накормила «красного». А ведь среди прятавшихся в подвале были и «красные» и «белые». Под землёй нам пришлось прожить целую неделю. Финские рабочие с мужеством отчаяния защищали город, последний оплот большевиков. Незначительную помощь им оказывали добровольцы из матросов и солдат. Огромное большинство последних, захватывая поезда бежало в Петроград. На седьмые сутки бомбардировка внезапно прекратилась. Когда мы вышли на улицу, то увидели первых «белых» финнов, носивших на своём головном уборе ветку хвои... Население ликовало. Из всех домов женщины выносили горячий кофе и булки. И как бы нам, русским, не жилось свободно при большевиках, мы также разделяли общую радость. Живя в Финляндии, мы знали, что делали коммунисты у нас на родине...

На следующий день, выйдя из дому и через короткий срок вернувшись, я не застала в квартире ни мужа, ни сына, ни прислуги, девушки-финки. Сына я нашла у соседей, которые мне сообщили, что пришли «белые» и увели мужа и прислугу. Я бросилась на розыски. Но найти местопребывание мужа не могла. Также безуспешны оказались поиски

мой и на следующий день. Но, не одна я, оказывается, была в тревоге. Все находившиеся в городе русские офицеры, пошедшие на объявленную финнами регистрацию, домой не вернулись. Они, как в воду канули... Только от вернувшейся домой прислуги, которую наконец выпустили, я узнала, где находится муж. Его содержали в местном участке. Между тем по городу поползли слухи будто арестованные русские будут расстреляны. Я побежала в участок. Не помню каким образом, но я получила там разрешение видеть мужа. Быть может некоторую роль в этом сыграло моё одеяние сестры милосердия.

Никогда из моей памяти не изгладится та картина, которую я затем увидела... Меня впустили в большую комнату, битком набитую арестованными финскими коммунистами. Эта толпа людей едва держалась на ногах от изнеможения и всей массой качалась из стороны в сторону. Третьи сутки, что их не кормили и не давали им пить. Они не могли ни лечь, ни сесть и спали стоя. В большинстве они имели на головах солдатские шлемы и вообще их одеяние было тем, в каком их захватили на их боевых позициях. Среди них были и сражавшиеся против «белых» их жёны, сёстры, дочери...

Захваченные финские большевики содержались в нескольких местах, в том числе в манеже, находившемся почти в центре города. Из этого манежа доносились стоны заключённых, задыхавшихся от недостатка воздуха и мучимых жаждой. Манеж окружили высоким забором. По ночам из всех мест заключения выводили партии арестованных и направляли их загород. Там они расстреливались из пулемётов....

Возвращаясь однако к своим личным переживаниям. Из большой комнаты участка я протискалась с невероятным трудом в другую комнату, небольших размеров, где содержались русские «белые» офицеры. Когда мне открыли к ним дверь, они все обернулись и я увидела их полные скорби глаза. Стража от них не скрывала, что они будут расстреляны. Они взглянули на меня и потупили головы. – «Игорь» - громко выкрикнула я имя мужа. – Он вышел из рядов товарищей, держа папиросу в зубах. Я это тотчас заметила, т[ак] к[ак] раньше он никогда не курил. При виде меня, в глазах его вспыхнула радость и надежда. Но мы кажется ни сказали тогда друг другу ни слова. Что можно было сказать?...

Я выбежала из этого страшного места, чтобы скорей что-то сделать чтобы спасти мужа. Но, что? К кому идти и кого просить? Кто меня выслушает и кто поможет? Несчастные жёны русских офицеров метались по городу, ища правды и милосердия к своим друзьям. Редко которой их

них удавалось получить разрешение или просьбу от каких-либо финских властей на освобождение арестованного. Но и те, которые получали, когда приезжали к месту заключения, узнавали, что их мужа там нет... Они мчались к другому месту и там отвечали тем же... Добиться освобождения арестованного за редкими исключениями, им так и не удавалось...

Мне пришла в голову мысль, ехать к английскому консулу и просить его. Он меня не знал, но он меня принял.

- «Я бессилён, что-либо сделать. Сегодня я проходил мимо Народного дома и видел приставленных к стенке русских офицеров, которых собирались расстрелять... Я тотчас дал за них своё поручительство, но это не помогло. Все они были расстреляны. –

Я схватилась за голову. Надежды на спасение мужа рушились. Консул подтвердил, что русских расстреливают. На меня напало отчаяние.

- «Единственное, что я могу вам посоветовать, - продолжал консул – поезжайте к коменданту города. Он бывший русский офицер и может быть сжалится. От него всё сейчас зависит. Я знаю, что его управление помещается ..... улице, но № дома мне не известен. Разыщите его и просите».

Я бросилась на названную улицу. Обходя один дом за другим, я нашла наконец комендантское управление, помещавшееся в частной квартире, адрес которой несомненно умышленно от всех скрывался. Владея немного финским языком, я попросила доложить о себе коменданту и была им тотчас принята. В кабинете его находилось несколько финских офицеров и германских егерей. Я обратилась к коменданту с просьбой освободить мужа.

- Как? Он арестован? Я тотчас напишу, чтобы его выпустили, - воскликнул комендант и распорядился, чтобы мне было дано соответствующее предписание. Спасибо ему, за то, что не выдав никогда ни мужа моего, ни меня он представил всё так, будто мы ему лично известны.

Получив нужную мне бумагу, с облегчённым сердцем я вторично приехала в участок. На этот раз меня пропустили беспрепятственно. Я опять прошла через толпу людей, ждавших смерти.

- Игорь, идём, - воскликнула я схватив мужа за руку, вывела его из участка...

Прошло недели полторы. Арестованные русские были уже давно расстреляны... Как-то на улице я повстречала одну знакомую даму, г[оспо]жу С – ву, к которой незадолго до прихода «белых» приехал её сын, гардемарин с целью помочь матери ликвидировать квартирную обстановку

и переехать в Петроград. На регистрацию, объявленную финнами, пошёл и её сын и, как все остальные, назад не вернулся. Бедная мать всё ещё не теряла надежды, что сын её жив и его вернут ей. Как это было мне ни тяжело, но я сказала ей, что лучше знать правду и если сын её убит, то найти его тело и похоронить. Все в городе знали, что расстрелянные русские лежали у Фридрихсгамских ворот и тела их не убирают... Г[оспо]жа С – ва согласилась со мной и мы поехали к городским валам. Вскоре мы нашли место, где толпились любопытные. Тут была устроена лёгкая изгородь, огораживавшая обширный участок, образовавший угол их двух высоких отвесных земляных валов. В толпе любопытных я заметила изящно одетую барышню рядом с немецким егерем, в руках которой находился фотографический аппарат.

- Вот, где русские, - проговорила она по-шведски, собираясь запечатлеть на фотографии то, что она видела за изгородью. А там, в разных позах и на разных местах лежали скорченные трупы убитых русских. Все они были в одном белье...

Получив у дежурившего у изгороди «шюккориста» - «белого» добровольца⁶, разрешение пройти за изгородь, я и Г[оспо]жа С – ва начали обходить трупы, разыскивая тело её сына. Поверхностного взгляда было достаточно, чтобы утверждать, что русские были убиты ручными бомбами. У одного я видела вырванным весь бок. У другого – развороченную грудь. По некоторым трупам можно было судить, что до убийства несчастных истязали и избивали. Несколько я рассмотрела с выколотыми глазами. Решительно все держали пальцы правой руки сложенными для крестного знамения... Нет сомнения, что приведя русских на место убийства, финны приказали им снять верхнюю одежду и пустили их между валов, закрыв выход. Затем они начали упражняться в меткости метания гранат. Убиваемые бегали по небольшому пространству, а их палачи забрасывали их бомбами, наслаждаясь этим кровавым зрелищем. Они наверно наслаждались, потому что если бы они хотели просто умертвить, то применили бы более «гуманный» способ. Страшный крик: - Кока! Кока! – отвлёк меня от ужасного зрелища. Г[оспо]жа С – ва нашла изуродованный труп сына... Шеи любопытных у изгороди вытянулись. У барышни шведки щёлкнул «кодак»... Я обратилась с просьбой к «шюккористу» получить тело убитого юноши. Разрешение он дал и неожиданно заговорил по-русски: « Удивляюсь я вашей психологии. Ведь вы знали, что мы «белые» финны идём и вместо того, чтобы спастись, вы остались здесь... вот, видите, что получилось». Я ответила, что

убитые такие же «белые», как они и потому то в городе и остались. Он недоверчиво пожал плечами...

Кому нужны были эти жертвы? Впоследствии финны утверждали, что убийство русских офицеров было совершено по настоянию германских егерей. Не правильнее ли думать, в таком случае, что по предписанию германского командования, заинтересованного в уничтожении остатков русской воинской силы?

Получив тело бедного Коки, мы не знали, как нам дальше поступить. Везти на квартиру г[оспо]жи С – ой было нельзя, так как тела расстрелянных русских держать на квартирах не разрешалось. Случайно я заметила невдалеке запряжённую лошадью телегу и около неё возницу-финна. Я спросила его, не согласится ли он отвезти тело в какой-нибудь лазарет, где я надеялась упросить положить его в покойницкую. Но финн сказал мне, что везти надо в сарай минной команды, где находятся трупы многих убитых русских... Мы поступили так, как он сказал. Действительно, фельдшер минной команды был занят тем, что за плату конечно, приводил привозимые к нему трупы в порядок. Он их обмывал, выправлял и одевал в простыни, которые ему доставляли, осиротелые семьи расстрелянных. Затем он складывал трупы в сарай, где они лежали до погребения. В сарае этом, когда я вошла в него, находилось несколько сот тел, лежавших длинными рядами. По сведениям финнов, в Выборге было умерщвлено более шестисот русских офицеров.

Н. Лунина

*Первая часть архивных материалов по теме «Русские в Финляндии 1918–1919 гг.» была опубликована в сборнике «Труды кафедры истории Нового и новейшего времени» № 6. 2011. С. 126–152.

---

¹Под Парижем.

²Революция и Гражданская война в Финляндии продолжалась с конца января по май 1918 г. Для подавления революции финское буржуазное правительство заключило договор с Германией. 3 апреля в Ганге высадились Балтийская дивизия генерала Р. фон дер Гольца, а 7 апреля около г. Ловиза в 100 км от Гельсингфорса отряд полковника О. Бранденштейна. К 21 апреля численность германских войск составляла 13003 человека. 14 апреля был взят Гельсингфорс, а 29 апреля Выборг.

³Маннергеем Карл Густав Эмиль (1867 – 1951). До 1917 г. на русской службе, генерал - лейтенант. В 1918 г. командовал белофинской армией, подавившей совместно с германскими войсками финляндскую революцию.

⁴Здесь имеется в виду восстание 3 – 4 марта 1917 г. в Гельсингфорсе. В результате которого по разным подсчётам погибло от 39 до 45 офицеров.

⁵Егерское движение стало результатом секретного германо-финляндского сотрудничества, которое привело к созданию на территории Германии военной части финляндских сепаратистов – Королевского Прусского егерского батальона. Егерское движение имело ярко выраженную антирусскую направленность.

⁶Шюцкор – охранный корпус, военизированная организация финляндской буржуазии и кулачества, официально создан в 1921 г. на основе добровольческих отрядов(белая гвардия), для подавления Финляндской революции 1918 г.

Вступительная статья, подготовка текста и примечания А.В.Смолина.